

АЛЕКСЕЙ ИСЛАМОВ

GORAKHAN

ХРОНИКИ ПЛАМЕНИ

КНИГА I

ПУТЬ НАЧАЛА

Алексей Исламов

**GORAKHAN — ХРОНИКИ
ПЛАМЕНИ. КНИГА
I — ПУТЬ НАЧАЛА**

«Автор»

2026

Исламов А.

**GORAKHAN — ХРОНИКИ ПЛАМЕНИ. КНИГА I — ПУТЬ
НАЧАЛА / А. Исламов — «Автор», 2026**

Одиноким путь Горакхана приводит его к древнему Топору Огня — оружию, которое само выбирает нового хозяина. Вместе с ним в жизнь орка входит Вархагорн, древний Огненный Дракон и хранитель Топора. Но обретенная сила оказывается лишь началом. Из другого мира приходит таинственный Падший, а рядом с ним — Дракон Пустоты. Их встреча с Горакханом превращается в столкновение сил, за которым скрывается нечто куда более опасное. Разлом открывает путь к тайне, о существовании которой никто из них ещё не подозревает. И очень скоро тем, кто встретился как враги, придётся понять, что их собственная битва была лишь началом гораздо большей истории. «Путь Начала» — первая книга саги GORAKHAN — ХРОНИКИ ПЛАМЕНИ, где древнее оружие, драконы и силы разных миров становятся частью истории, которая только начинает раскрываться.

© Исламов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЭПИЗОД 1	6
ЭПИЗОД 2	14
ЭПИЗОД 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алексей Исламов

GORAKHAN — ХРОНИКИ ПЛАМЕНИ.

КНИГА I — ПУТЬ НАЧАЛА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во Вселенной существует бесчисленное множество миров, и каждый живёт своей жизнью. В одних веках сохраняется покой, в других почти не прекращаются войны. Где-то живут только люди, где-то — существа, о которых в иных мирах не знают даже древние легенды, а где-то самые разные народы делят между собой одну землю, вместе создавая её историю.

Но какими бы непохожими ни были эти миры, в каждом из них существуют силы, чьи пути рано или поздно сталкиваются. Иногда их противостояние почти незаметно и касается лишь нескольких судеб. Иногда охватывает целые народы, превращая города и земли в поле борьбы. А порой всё начинается настолько неприметно, что никто ещё не способен понять, к чему приведут первые события — и насколько многое однажды будет зависеть от их последствий.

И вот в одном из таких миров начинается наша история...

© Алексей Исламов, 2026. Все права защищены.

ЭПИЗОД 1

ПУТЬ ИЗГНАННИКА

Ветер пришёл с севера ещё до рассвета, спустился с тёмных горных гребней и долго гулял над равниной, прежде чем добраться до старой дороги. Он пригибал сухую траву, поднимал с обочин мелкую пыль, забирался под края тяжёлого плаща и охлаждал кожу даже сквозь плотную одежду. Воздух пах влажной землёй и далёким дождём, а где-то высоко, среди ещё невидимых в предутреннем сумраке склонов, перекликались первые птицы.

По дороге шёл одинокий путник.

Горакхан двигался неторопливо, но почти не сбавлял шага с самого рассвета. Под тяжёлыми сапогами похрустывал камень, иногда дорога уходила в неглубокие ложбины, где после ночной сырости земля становилась мягче, а затем снова поднималась на открытые ветру холмы. В такие минуты перед ним на многие мили оставались только серое небо, уходящая вдаль дорога и темнеющие на горизонте горы. Он давно привык к одиночеству. Привык засыпать под открытым небом, просыпаться от холода ещё до восхода и по нескольку дней не слышать человеческих голосов. Привык выбирать место для ночлега по ветру и облакам, искать воду по зелени в низинах, различать следы зверей на влажной земле и по запаху понимать, что дождь придёт раньше, чем первые капли коснутся дороги. Когда-то подобная жизнь показалась бы ему пустой. Теперь она была его жизнью.

За спиной не осталось дома, который Горакхан мог бы назвать своим. Не было племени, куда однажды можно вернуться после долгого пути, не было знакомых костров, возле которых для него оставляли место, и не было никого, кто ждал бы его возвращения.

Когда-то всё было иначе. Он помнил огромные стоянки Орды, где по вечерам десятки костров разгоняли темноту и красные отблески дрожали на оружии, прислонённом к тяжёлым щитам. Помнил запах жареного мяса, дым, грохот кружек, хриплый смех и разговоры, которые почти всегда рано или поздно сводились к одному: куда идти дальше, чьи земли лежат за следующими холмами, кто окажет сопротивление и сколько добычи удастся привезти обратно.

Горакхан вырос среди этих разговоров и долгие годы не видел в них ничего необычного. Для его народа война была почти такой же естественной частью жизни, как охота, дорога или смена времён года. Старые воины рассказывали о походах, молодые слушали их и мечтали однажды вернуться с собственными историями, а сила считалась достоинством, которое само по себе давало право решать судьбу тех, кто оказался слабее.

Но с годами Горакхан начал замечать то, на что остальные предпочитали не смотреть. После победы воины вспоминали врага, которого удалось сломить, а он всё чаще вспоминал людей, оставшихся среди развалин. Его соплеменники видели новые земли, он — почерневшие стены домов. Они говорили о добыче, он помнил разбросанные возле пепелищ вещи, которые никто уже не возвращался забирать. Они праздновали очередной удачный поход, а где-то в нескольких днях пути от их костров старики разбирали обломки, женщины искали пропавших родных, а дети учились бояться любого шума за пределами деревни.

Горакхан не боялся войны. Если приходилось сражаться, он сражался и никогда не считывал, что противник пощадит его лишь потому, что бой оказался тяжёлым. Но постепенно для него возникла слишком ясная разница между боем, которого нельзя избежать, и войной, которую начинают только потому, что обладают силой её начать.

Для Орды такой разницы почти не существовало. Если рядом лежала чужая земля — её можно было взять. Если кто-то сопротивлялся — его следовало сломить. Если дорогу преграждало поселение — его можно было уничтожить. Не потому, что иначе было нельзя, а потому, что могли.

Однажды Горакхан сказал об этом вслух — этого оказалось достаточно. Спор начался с нескольких резких слов, но очень быстро вокруг него уже стояли воины, которых он знал много лет. Кто-то называл его слабым, кто-то требовал отказаться от сказанного, кто-то уверял, что подобные мысли недостойны орка, выросшего среди них. Горакхан не отступил.

Тогда прозвучало слово, после которого разговор закончился.

Предатель.

Он не стал просить прощения за то, во что больше не верил. Собрал немногочисленные вещи, взял оружие и ушёл, оставив за спиной всё, что когда-то считал своим миром.

С тех пор дорога стала его единственным постоянным спутником. Но вместе с изгнанием у Горакхана появилось правило, которого он никогда не произносил вслух: если на его пути встречался тот, кому действительно нужна была помощь, он не проходил мимо.

К утру небо окончательно посветлело. Первые лучи солнца коснулись верхушек холмов, и влажные после ночи камни на дороге заблестели.

Где-то справа за деревьями журчала вода, и некоторое время Горакхан шёл на звук, пока между корнями не увидел узкий ручей. Он остановился лишь ненадолго. Холодная вода стекала с камней настолько прозрачная, что на дне были видны тонкие полоски песка, колебавшиеся под течением. Горакхан напился, ополоснул лицо и снова вышел на дорогу.

Через несколько шагов позади зашелестели кусты, послышался быстрый стук копыт, но когда он обернулся, между деревьями уже мелькнула только светлая спина какого-то зверя. Лес вновь сомкнулся и зашумел своими обычными звуками. Дорога продолжалась.

К полудню холодный северный ветер ослаб, солнце поднялось высоко, а облака разошлись, открывая глубокое голубое небо. Горакхан долго поднимался по пологому склону и, достигнув вершины очередного холма, неожиданно остановился.

Перед ним лежала широкая зелёная долина. Она раскрывалась почти до самого горизонта. Внизу блестела река, плавно изгибаясь среди лесов и полей; солнечный свет дробился на её поверхности и вспыхивал всякий раз, когда вода появлялась между кронами деревьев.

По берегам тянулись тёмные полосы леса, дальше виднелись светлые луга, а за ними земля снова поднималась холмами, постепенно переходившими в далёкие голубоватые горы. Где-то над рекой кружили птицы. Отсюда их почти не было видно, лишь время от времени маленькая тёмная точка отделялась от неба, падала к воде и снова взмывала вверх.

На дальнем склоне среди зелени виднелись крыши небольшого поселения. Дома стояли вдоль дороги и ближе к реке, между ними угадывались дворы и ограды, а над несколькими трубами поднимался дым.

Горакхан некоторое время молча смотрел вниз. Именно такие места он хотел бы видеть повсюду. Не землю, которую кто-то обязан объявить своей только потому, что сумел привести сюда больше воинов. Не крепость, построенную с мыслью о будущем нападении. Не дороги, предназначенные для движения армий. Дома, поля, вода, лес. Люди, которым вечером нужно вернуться с работы, разжечь очаг и поесть, не думая о том, какое знамя может появиться на горизонте утром.

Горакхан начал спускаться. Склон постепенно становился мягче, камень под ногами уступал место земле, а вдоль дороги снова появилась высокая трава. В ней стрекотали насекомые, над цветами кружили пчёлы, и долина казалась настолько спокойной, что тревога пришла не сразу.

Сначала изменился запах воздуха. Горакхан уловил дым и не придавал этому значения: впереди находились дома, а день уже давно начался. Но через несколько минут дым стал тяжелее. В нём появилась знакомая горечь, и вместе с ней исчезло ощущение обычного деревенского утра.

Гарь.

Он поднял голову. Теперь было видно, что часть дыма идёт не из труб. Горакхан ускорил шаг. Чем ближе становились дома, тем больше мелочей начинало складываться в одну картину. У края дороги трава была примята, возле грязной колеи осталось множество следов, а рядом лежал сломанный деревянный шест. Чуть дальше Горакхан заметил перевёрнутую корзину и рассыпанное по земле зерно. Птиц здесь почти не было. Не слышалось скота. Даже ветер, ещё недавно свободно гулявший по полям, среди домов будто стал тише.

Когда Горакхан вошёл на главную улицу, сомнений уже не осталось. Поселение было разрушено.

Перевёрнутая телега лежала поперёк дороги, одно колесо было сорвано и откатилось почти к забору. Рядом из разбитой корзины высыпалось зерно, смешавшееся с золой и грязью. У ближайшего дома провалилась половина крыши, и из почерневших стропил ещё поднималась тонкая струйка дыма. Где-то внутри обгоревшей балки сухо треснуло дерево. Из серого пепла вылетело несколько красных искр и сразу погасло. У другого дома стена осталась стоять, но всё, что находилось за ней, превратилось в кучу чёрных досок и битой глины. Возле порога лежала разбитая кружка. На заборе висел обгоревший кусок ткани, который ветер то прижимал к доскам, то снова отрывал от них. Огонь почти везде уже погас, но запах вьелся во всё вокруг: в дерево, землю, камень и одежду людей, которые понемногу появлялись среди развалин.

Горакхан увидел женщину, вытаскивавшую из-под обломков уцелевшую посуду. Она заметила его, замерла, после чего быстро отступила за стену. Он ничего не сказал и продолжил идти.

Страшнее разрушений была тишина. Не слышно было детского смеха, не лаяли собаки, никто не перекликался через улицу. Где-то далеко один раз ударил молоток, затем снова наступило молчание.

Горакхан слишком хорошо знал такую тишину. Ему уже приходилось видеть её после войны. Он прошёл ещё несколько домов и услышал кашель. Звук пришёл откуда-то из-за обрушенной стены. Горакхан остановился, прислушался, затем свернул во двор.

Среди камней и почерневших досок лежал старик. Тяжёлая деревянная балка придавила ему ногу, и при каждой попытке пошевелиться лицо человека искажалось от боли. Увидев приближающегося орка, старик замер.

Горакхан заметил, как его взгляд прошёлся по оружию, по массивной фигуре, а затем вернулся к лицу. Страх он узнавал сразу.

— Не двигайся, — сказал Горакхан.

Он наклонился, ухватился за балку и поднял её. Та сдвинулась с тяжёлым скрежетом, осыпая землю щепками и угольной крошкой. Горакхан оттащил её в сторону и отбросил возле стены.

Старик всё ещё смотрел на него настороженно. Горакхан протянул руку.

— Если бы я хотел причинить тебе вред, я бы не вытаскивал тебя из-под балки.

Человек колебался ещё несколько мгновений, но боль оказалась убедительнее страха. Он ухватился за руку Горакхана.

Горакхан помог ему подняться. Старик попытался перенести вес на повреждённую ногу и резко втянул воздух.

— Осторожно.

— Постараюсь.

До уцелевшей стены они добрались медленно. Старик сел на каменный выступ и некоторое время просто дышал, пережидая боль.

— Спасибо.

Горакхан кивнул. Между домами снова прошёл ветер, принеся запах тлеющего дерева.

— Как тебя зовут? — спросил старик.

— Горакхан.

Старик на мгновение задержал на нём взгляд, но новых вопросов не задал.

Горакхан оглянулся на разрушенную улицу.

— Кто это сделал?

— Они пришли ночью, — ответил старик. — Мы даже не успели понять, что происходит. Сначала слышали крики, потом загорелись дома. Когда люди выбежали на улицу, они уже обыскивали всё вокруг.

— Разбойники? Военный отряд?

— Не знаю. Никогда раньше их не видел. Они не называли себя и ничего нам не объясняли.

Горакхан посмотрел на перевёрнутую телегу и обгоревшие стены.

— Тогда что им было нужно?

Старик помолчал, после чего перевёл взгляд на разрушенное здание в конце улицы.

— Каменная плита.

Горакхан нахмурился.

— Они уничтожили всё это из-за куска камня?

— Для них это был не просто камень.

— Что на нём?

— Древняя легенда об оружии, — ответил старик. — Об огромном Топоре, настолько древнем, что никто уже не знает, кто создал его первым.

Горакхан бросил взгляд на разрушенный храм.

— И те, кто пришёл сюда ночью, искали этот Топор?

— Думаю, они искали способ добраться до него. Возможно, надеялись найти на плите что-нибудь, что укажет им путь. Где находится сам Топор, я не знаю.

Горакхан посмотрел в сторону храма.

— Покажи плиту.

До здания они добрались медленно. Старик хромал и время от времени опирался о стены, а Горакхан не торопил его.

Внутри оказалось прохладнее. После солнечной улицы полумрак храма некоторое время мешал различать детали. Пахло мокрым камнем, старой пылью и золой. Через большой пролом в крыше падал широкий луч света, в котором медленно кружились мельчайшие частицы, вспыхивая золотом всякий раз, когда попадали под солнце. Откуда-то сверху размеренно капала вода. Каждая капля ударялась о каменный пол, и тихий звук уходил под своды. В глубине помещения лежала плита. Она оказалась больше, чем Горакхан ожидал. Один край был расколот, по камню проходило несколько глубоких трещин, но центральное изображение почти не пострадало.

На поверхности был высечен древний воин. Перед ним поднимались горы, над вершинами которых каменный мастер изобразил пламя, а в руках воин держал огромное двуручное оружие — Топор.

Старик остановился неподалёку, глядя на древнее изображение.

— В молодости я считал такие истории выдумками, — сказал он. — Теперь уже не спешу смеяться над тем, чего не понимаю.

Взгляд Горакхана задержался на высеченном Топоре.

— Если он действительно существует, почему его до сих пор никто не нашёл?

— Возможно, искали не там, а возможно, его вообще не существует. Но после прошлой ночи я уже не знаю, что из этого хуже: поверить в старую легенду или увидеть, на что готовы люди, которые считают её правдой.

Старик указал на древние символы по краю плиты.

— В легенде говорится о месте, где земля дышит огнём. Одни считают, что речь идёт о старых горах, другие — о земле, где когда-то бушевало великое пламя. Но точного места никто не знает.

Горакхан провёл ладонью по изображению Топора.

— Значит, всё, что у вас есть, — старая плита и несколько догадок.

— Так было до прошлой ночи, — спокойно ответил старик. — Теперь есть ещё люди, которые ради этих догадок оказались готовы сжечь целое поселение.

Горакхан посмотрел на него.

— И этого тебе достаточно, чтобы поверить?

— Нет, но этого достаточно, чтобы больше не смеяться над легендой.

Несколько мгновений они стояли молча.

Горакхан не собирался становиться охотником за древними сокровищами. В его жизни и без того было слишком много дорог и слишком мало причин доверять каждой старой истории, высеченной на камне. Но когда он вышел из храма, изображение Топора осталось в памяти.

В тот день Горакхан не ушёл из поселения. Он вернулся к дому, возле которого нашёл старика, и начал разбирать завал. До вечера он помогал жителям переносить камни, поднимать тяжёлые балки, укреплять уцелевшие стены и несколько раз ходил к реке за водой. Сначала люди старались держаться от него на расстоянии, однако работа постепенно делала то, чего не смогли бы сделать никакие слова. К середине дня рядом с ним уже трудились другие мужчины. Позже одна из женщин молча протянула ему воду, и Горакхан так же молча принял чашу. Этого было достаточно.

Когда солнце скрылось за холмами, вокруг разрушенного поселения зажглись небольшие костры. Люди говорили негромко, перевязывали раненых, перебирали уцелевшие вещи и пытались устроиться на ночь там, где ещё оставалась крыша.

Горакхан сидел у одного из костров и смотрел на огонь, когда рядом опустился старик. Некоторое время они молчали.

— Я весь день пытался понять, почему ты остался, — наконец сказал старик. — Ты мог уйти сразу после того, как помог мне.

Горакхан не сразу отвёл взгляд от пламени.

— Здесь остались люди, которым некому было помочь.

Старик немного помолчал.

— Многие из них тебя боялись. Я тоже сначала боялся.

— Я заметил.

— И тебя это не остановило?

Горакхан слегка пожал плечами.

— Я давно привык к тому, что сначала люди видят орка, а уже потом пытаются понять, кто перед ними.

Старик перевёл взгляд на огонь.

— Из-за того, что делал твой народ?

Горакхан посмотрел на разрушенные дома, тёмные силуэты которых едва различались за костром.

— Из-за того, что он делал.

Старик некоторое время не задавал вопросов, будто решал, стоит ли продолжать.

— Ты сам ушёл?

— Меня изгнали.

Теперь старик посмотрел на него внимательнее.

— За что?

— Я сказал то, чего никто не хотел слышать. Что не вижу смысла сжигать чужие дома только потому, что мы способны это сделать. Для них этого оказалось достаточно.

Старик медленно кивнул, глядя на почерневшие стены вокруг.

— После того, что произошло здесь, трудно не понять, о чём ты говорил.

Горакхан ничего не ответил.

— Ты жалеешь, что сказал это?

— Иногда я жалею о том, что когда-то считал такую жизнь нормальной. Но о том, что сказал правду, не жалею.

Старик снова посмотрел в огонь.

— Тогда, наверное, изгнание не всегда означает потерять дорогу.

На лице Горакхана появилась слабая усмешка.

— Иногда оно впервые заставляет тебя увидеть свою.

Больше они почти не разговаривали. Костёр постепенно оседал, ночной ветер проходил между домами, а над поселением медленно гасли последние отблески пожаров.

На следующий рассвет Горакхан собрал вещи. Поселение всё ещё лежало в руинах, но теперь в нём снова чувствовалась жизнь. Люди уже работали возле домов, кто-то разбирал обгоревшие доски, а над одной из уцелевших труб поднимался тонкий ровный дым.

Старик проводил его до окраины.

— Ты так и не спросил, куда тебе идти дальше, — сказал он, когда дома остались позади.

Горакхан посмотрел на дорогу, уходившую между холмами.

— Потому что пока не знаю, куда она приведёт.

Старик некоторое время шёл рядом молча.

— А если приведёт к той горе, о которой говорит легенда?

Горакхан остановился и посмотрел на него.

— Тогда узнаю, была ли она правдой.

— И если была?

Горакхан поправил ремень оружия и снова перевёл взгляд на дорогу.

— Тогда посмотрим, зачем она привела меня туда.

Он не стал менять маршрут из-за легенды, не начал искать карту и не расспрашивал каждого встречного о древнем Топоре. Первое время изображение с плиты иногда возвращалось в память, особенно вечером, когда над горами садилось солнце и облака на горизонте окрашивались в цвет огня, но постепенно обычная жизнь дороги снова вытеснила эту историю.

Неделя сменялась неделей. Горакхан проходил через леса, где под высокими кронами даже днём держался зелёный полумрак, а после дождя воздух пах мокрой корой, мхом и грибами. Иногда дорога тянулась вдоль рек, и тогда шум воды сопровождал его целыми днями; иногда выходила на открытые равнины, где ветер ничем не сдерживался и горизонт казался настолько далёким, будто до него можно идти всю жизнь.

Ночевал Горакхан там, где заставал вечер. Если находилось подходящее место, собирал сухие ветви, разводил небольшой костёр и садился спиной к дереву или камню, позволяя усталым ногам наконец отдохнуть. Иногда ужином становилось то, что удавалось купить или получить в ближайшем селении, иногда — рыба из реки или простая еда, которую он нёс с собой. Бывали ночи тихие, когда над лесом стояло ясное небо и слышно было только редкие движения зверей в кустах. Бывали другие, когда ветер часами раскачивал деревья, дождь барабанил по плащу, а огонь приходилось закрывать собственным телом, чтобы очередной порыв не погасил его окончательно.

Иногда на дороге встречались люди. Одни старались обойти Горакхана по широкой дуге. Другие, убедившись, что он не ищет неприятностей, соглашались разделить костёр. Несколько раз он помогал фермерам поднимать ограды после бури, однажды сопровождал небольшой торговый обоз через участок леса, где путники боялись идти в одиночку. Горакхан нигде не оставался надолго. Он приходил, делал то, что считал нужным, и снова уходил.

Так проходили месяцы.

Старая плита и изображение Топора постепенно отошли в глубину памяти. Горакхан не забыл их, но перестал возвращаться к той истории каждый день и снова стал просто странником, который шёл туда, куда вела дорога.

А потом окружающий мир начал меняться — поначалу настолько незаметно, что он не придал этому значения. Лес становился реже. Высокие деревья сменились низкими и искривлёнными, между ними всё чаще проступали участки голой земли. Трава стала жёстче, камней под ногами прибавилось, а цвет почвы постепенно потемнел.

Через несколько дней Горакхан заметил, что по утрам стало тише. Птицы ещё встречались, но их голоса теперь доносились издалека. Следы крупных зверей исчезли почти совсем, а последние отпечатки копыт, замеченные им возле ручья, уходили в сторону, противоположную его пути.

Постепенно исчезли и ручьи. Воздух становился суше. Днём камни нагревались под солнцем, но однажды утром Горакхан заметил странность: ночь была прохладной, а большой плоский валун возле дороги оставался тёплым. Он задержал на нём ладонь чуть дольше обычного. Затем пошёл дальше.

К вечеру ветер принёс новый запах. Сначала слабый, едва различимый среди сухой земли и пыли, но с каждым часом становившийся отчётливее.

Сера.

Горакхан остановился и глубоко вдохнул. Ошибки быть не могло. Где-то впереди находился источник сильного жара.

Дорога поднялась на длинный каменистый холм. Горакхан достиг вершины уже ближе к закату и впервые увидел гору. Она возвышалась далеко впереди, заметно выше окружающих хребтов. Нижние склоны постепенно погружались в вечернюю тень, а вершина ещё ловила последние красноватые лучи солнца. Над ней висела тонкая полоса тёмного дыма, почти неподвижная на фоне неба.

Горакхан долго смотрел туда, и тогда из памяти вернулись слова старика: «Там, где земля дышит огнём».

Совпадение казалось слишком очевидным, чтобы не заметить его, и в то же время слишком простым, чтобы сразу поверить. В мире было достаточно гор, вулканов и старых легенд, а человек легко находил связь между вещами, если уже хотел её увидеть.

Горакхан собирался продолжить путь, когда под ногами едва заметно дрогнула земля. Он остановился. Несколько мелких камней сорвались со склона и покатались вниз, а через мгновение издалека пришёл низкий глухой звук, совсем не похожий на гром. Затем ещё один — на этот раз вибрация прошла по камню и отдалась в подошвах.

Горакхан снова посмотрел на гору. Дым над вершиной медленно уходил в темнеющее небо. Он свернул с дороги.

Подъём занял несколько дней. Сначала склон оставался достаточно пологим, но чем выше поднимался Горакхан, тем реже встречалась растительность и тем чаще под ногами появлялся тёмный камень. Из глубоких трещин в земле поднимался тонкий пар, а из глубины горы время от времени доносился тяжёлый гул. Ночами гора не затихала, и с каждым днём воздух становился горячее.

Подъём продолжался. Мир постепенно лишался привычных красок. Далеко внизу ещё оставалась зелёная полоса лесов, но вокруг были только чёрный камень, серый пепел и мутное небо. Дым с вершины растягивался над склонами, временами закрывая солнце, и тогда день становился тусклым, словно наступал ранний вечер.

Здесь не слышно было птиц. Не жужжали насекомые. Даже ветер звучал иначе, проходя между голыми скалами.

Горакхан привык к одиночеству, но эта тишина отличалась от той, что сопровождала его в лесах и на равнинах. Там вокруг всегда существовала жизнь — скрытая в траве, воде, ветвях, ночных звуках. Здесь она словно остановилась далеко внизу и не стала подниматься дальше.

Последний участок пути оказался самым тяжёлым. Склон стал круче, воздух — сухим и горячим. Запах серы забивал дыхание, а каждый новый порыв сверху приносил такую волну жара, что приходилось прищуриваться и отворачивать лицо.

Горакхан продолжал подниматься. Иногда он останавливался, чтобы перевести дыхание и посмотреть вниз. Дорога, по которой он пришёл, давно исчезла. Далёкие равнины лежали под лёгкой дымкой, леса казались тёмными пятнами, а горные гряды тянулись до горизонта.

Наверху снова прогремело, и теперь звук был настолько близко, что Горакхан почувствовал его грудью. Он поднялся ещё выше. Склон постепенно выровнялся, а за последним каменным гребнем земля неожиданно оборвалась. Горакхан подошёл ближе — и увидел кратер.

Перед ним открылось гигантское жерло. Чёрные стены кратера уходили далеко вниз, к раскалённой лаве, которая медленно двигалась в глубине. Воздух дрожал от жара, запах серы обжигал горло, а снизу поднимался непрерывный тяжёлый гул, похожий на дыхание самой горы. Горакхан сделал несколько шагов к краю. И тогда увидел Топор. Он висел над раскалённой бездной.

Огромное двуручное оружие было слишком похоже на изображение с древней плиты, чтобы это можно было принять за случайность. Топор не лежал на алтаре, не был воткнут в камень и не удерживался цепями. Под ним не было ничего, кроме жара, дыма и медленно движущейся лавы.

Горакхан остановился. Несколько месяцев назад эта история была для него всего лишь легендой, из-за которой неизвестные люди разрушили поселение. Теперь её доказательство находилось перед ним. Он подошёл ближе к краю. Жар становился почти невыносимым.

На коже выступил пот, каждый вдох давался тяжелее, однако Горакхан не отступил. Он смотрел на Топор, пытаясь понять, что должен делать дальше. Ни голоса, ни знака, ни ответа не последовало.

Горакхан медленно протянул руку.

Топор дрогнул.

Оружие повернулось в его сторону.

В глубине горы раздался грохот, и кратер содрогнулся. Лава взметнулась вверх фонтаном раскалённых искр.

В тот же миг Топор сорвался с места и полетел прямо к Горакхану.

ЭПИЗОД 2

ТОПОР ОГНЯ

Топор летел прямо к нему.

Ещё мгновение назад древнее оружие висело над раскалённой бездной, неподвижное среди жара и дыма, а теперь стремительно пересекало пространство над жерлом. Красно-оранжевое сияние лавы скользило по тёмному металлу, вспыхивало в раскалённых трещинах и на острых выступах лезвий, отчего казалось, будто вместе с Топором из глубины вулкана вырвался кусок живого огня.

Горакхан инстинктивно отступил, но почти сразу остановился. Позади поднимался неровный склон, усеянный обломками чёрного камня; впереди зиял кратер, откуда волнами поднимался жар, а между ними оставалась лишь узкая полоса твёрдой земли у самого края. Отступать дальше означало потерять равновесие на осыпи, броситься в сторону — не понимать, куда именно полетит оружие.

Поэтому Горакхан сделал то, что привык делать перед неизбежным ударом: поставил ноги шире, перенёс вес вперёд и встретил опасность лицом.

Топор приближался.

Чем меньше становилось расстояние, тем отчётливее Горакхан видел оружие, которое ещё совсем недавно существовало для него лишь в виде старой резьбы на каменной плите.

Длинная рукоять была рассчитана на хват двумя руками и казалась почти непропорциональной обычному оружию, но огромная голова делала её необходимой. Тёмный металл лезвий напоминал обсидиан, только по всей его поверхности проходила сеть тонких красно-оранжевых трещин, будто внутри был заперт жар самого вулкана. Из массивной головы выступали древние шипы, острые и неровные; верхний вытянутый выступ придавал оружию хищный силуэт, который невозможно было спутать с обычным боевым топором.

И всё же сильнее формы Горакхана поразило другое. Оружие не кувыркалось в полёте. Оно двигалось уверенно, словно точно знало, куда направляется.

Горакхан видел летящие копья, стрелы, брошенные топоры, камни, выбитые взрывом из стены. Любой предмет подчинялся весу, скорости и тому движению, которое ему однажды придали. Это оружие двигалось иначе. В самом полёте чувствовалось нечто, чему Горакхан пока не мог подобрать объяснения.

Жар усиливался с каждым мгновением, но теперь он шёл уже не только из жерла. Горячий воздух словно сжимался вокруг приближающегося Топора, и по коже Горакхана прошла странная волна тепла, не похожая на прикосновение открытого пламени.

Оружие резко замедлилось. Вместо удара, которого ожидал Горакхан, Топор остановился перед ним. Между рукоятью и его рукой оставалось меньше вытянутой ладони. Несколько мгновений орк не двигался.

За спиной гудел ветер, поднимавшийся вдоль склона. Внизу лава медленно ломала собственную тёмную корку, и по кратеру прокатывался низкий рокот. Пепел проходил между Горакханом и оружием тонкими серыми полосами, но Топор продолжал висеть неподвижно, будто всё происходящее вокруг не имело к нему никакого отношения.

Горакхан смотрел на него, стараясь понять то, чему не находил объяснения. Он не искал этот Топор. Ещё несколько месяцев назад он даже не знал, существовал ли тот на самом деле, и вообще оказался возле вулкана лишь потому, что одна старая фраза неожиданно совпала с тем, что встретилось ему на дороге. Теперь же древнее оружие покинуло своё место над лавой и само оказалось перед ним.

Горакхан медленно поднял руку. Он не торопился. Пальцы приблизились к длинной рукояти, и тогда тепло усилилось. Оно прошло сквозь ладонь ещё до прикосновения, подня-

лось к запястью и исчезло настолько быстро, что Горакхан не сразу понял, действительно ли почувствовал его. Топор не двигался. Оставалось лишь коснуться.

Горакхан сомкнул пальцы на рукояти.

Мир исчез.

Это произошло без вспышки, без удара и без ощущения падения. Только что под ногами был горячий вулканический камень, перед глазами — кратер и красное сияние лавы, а в следующее мгновение не осталось ни горы, ни неба, ни ветра.

Горакхан оказался в темноте.

Она не походила на ночь. Даже самая тёмная ночь сохраняла глубину: в ней существовали земля, небо, силуэты деревьев или облаков, оставался холод воздуха и понимание того, где заканчивается один предмет и начинается другой. Здесь не было ничего из этого. Горакхан не чувствовал поверхности под ногами, хотя стоял. Не ощущал привычного веса собственного тела, но мог двигаться. Пространство вокруг не имело ни границ, ни направления, и лишь далеко впереди иногда вспыхивал огонь.

Сначала это были отдельные отблески, почти мгновенные. Они появлялись в разных местах, выхватывали из черноты клочья густого дыма и тут же исчезали, после чего тьма снова становилась полной.

Потом огня стало больше.

Багровые всполохи разрастались, соединялись, и постепенно перед Горакханом проступило огромное пространство, наполненное дымом и пламенем. Он всё ещё не понимал, где находится и видит ли настоящее место или нечто, существующее только внутри оружия.

Где-то далеко раздался звук. Низкий. Глубокий. Он шёл не с одной стороны — казалось, сама тьма вокруг задрожала от него. Горакхан напрягся.

В обычном бою подобный звук уже заставил бы руку искать оружие, но сейчас оно будто исчезло вместе с вулканом. Он сжал ладонь, ожидая почувствовать рукоять, однако пальцы сомкнулись на пустоте.

Впереди вновь вспыхнул огонь. И на этот раз в нём что-то двигалось.

Сначала Горакхан увидел лишь тёмную массу, настолько огромную, что разум не сразу попытался придать ей форму. Она прошла за стеной пламени, и огненные языки на мгновение скрыли её полностью.

Затем раздался новый рёв. Гораздо ближе. Из дыма медленно развернулось гигантское крыло.

Оно занимало едва ли не всё пространство перед Горакханом. Сквозь огонь проступали тяжёлые кости и тёмные перепонки, а когда крыло пришло в движение, пламя вокруг разошлось в стороны, будто подчиняясь одному его взмаху.

Следом показалась часть огромного тела. На тёмной чешуе вспыхивали красные отблески. Между отдельными пластинами на мгновение проступал раскалённый свет, словно жар находился не вокруг существа, а внутри него самого.

Горакхан поднял голову, пытаясь увидеть больше. Размер увиденного разрушал привычное чувство расстояния. Он не понимал, далеко находится существо или настолько велико, что занимает собой всю видимую тьму.

Огонь поднялся выше. На краткое мгновение сквозь дым проступил силуэт огромной головы. И два ярких огненных глаза. Они смотрели прямо на него.

Горакхан не отступил, хотя тело само приготовилось к движению. Он не знал, способно ли это существо причинить ему вред здесь, не понимал даже, действительно ли оно его видит, но взгляд был слишком направленным, чтобы принять его за случайность.

Пламя между ними взметнулось вверх. Существо исчезло. Вместо него в глубине огня возник другой силуэт. Значительно меньше, чем первый, но всё равно крупный. Он стоял среди

дыма неподвижно, и Горакхан успел заметить лишь очертания тела прежде, чем пламя закрыло его. Ни лица, ни оружия, ни каких-либо деталей различить было невозможно.

Горакхан сделал шаг вперёд. Темнота дрогнула. Огонь вспыхнул сразу повсюду. Белый свет ударил в глаза с такой силой, что Горакхан невольно поднял руку, пытаясь закрыться, и в тот же миг почувствовал под пальцами твёрдую рукоять.

Вернулся жар. Вернулся гул. Вернулся вулкан. Горакхан резко вдохнул и выдернул руку.

Ноги не удержали его сразу после возвращения, и он опустился на одно колено возле края кратера, уперев ладонь в чёрный камень. Поверхность была раскалена, но несколько мгновений он почти не замечал боли.

Перед глазами плавали красные пятна. В ушах стоял тяжёлый гул, к которому примешивалось собственное дыхание. Горакхан закрыл глаза и несколько раз медленно вдохнул, возвращая ощущение тела. Ладонь снова чувствовала шероховатость камня, колено давило на твёрдую поверхность, жар вулкана обжигал лицо.

Всё вокруг было настоящим. Он поднял голову. Топор по-прежнему висел перед ним. Ничего не произошло с кратером. Гора, небо и лава находились там же, где были мгновение назад. Но Горакхан был уверен: то, что он увидел, не было обычным воспоминанием или игрой утомлённого разума.

Слишком отчётливо он помнил взгляд огненных глаз. Слишком ясно слышал рёв. И слишком хорошо видел второй силуэт, появившийся на короткий миг среди пламени.

Горакхан посмотрел на собственную руку. Ожога не было. Он провёл большим пальцем по ладони, ожидая увидеть хотя бы след ожога, но кожа выглядела как прежде. Только внутри неё оставалось слабое тепло, которое медленно поднималось к запястью, будто прикосновение к рукояти продолжалось даже после того, как он отпустил оружие.

Горакхан поднялся. Топор висел там же. Теперь он смотрел на него иначе. До прикосновения перед ним находилась загадка, существование которой само по себе казалось невозможным. Теперь к этой загадке прибавилось ещё что-то: огромное крылатое существо, огонь, второй неясный силуэт и странное ощущение, будто оружие на мгновение открыло перед ним дверь, а потом захлопнуло её прежде, чем он успел понять, что находится по другую сторону.

— Что ты такое?.. — произнёс Горакхан.

Голос прозвучал тихо и почти потерялся в гуле кратера. Топор не ответил. Горакхан едва успел усмехнуться собственной попытке говорить с куском металла, когда гора ответила вместо него.

Из глубины жерла пришёл удар. На этот раз не далёкий и приглушённый, каким он слышал его во время подъёма, а такой сильный, что камень под ногами заметно качнулся. Горакхан мгновенно развернулся боком, снижая центр тяжести, и успел увидеть, как противоположная стена кратера осыпалась вниз огромным потоком камней. Лава вздулась. По её поверхности прошла широкая светящаяся трещина, затем ещё одна, после чего часть тёмной корки разлетелась и вверх ударил фонтан расплавленного камня. Жар усилился сразу. Ветер, ещё мгновение назад поднимавшийся из кратера отдельными потоками, ударил в лицо сплошной волной. Горакхан прикрыл глаза предплечьем, но уже через секунду услышал другой звук — резкий металлический гул совсем рядом.

Топор дёрнулся. Горакхан успел схватить рукоять обеими руками. На этот раз мир не исчез. Зато оружие потянуло его к краю с такой неожиданной силой, что подошвы скользнули по пеплу. Горакхан резко перенёс вес назад, напряг ноги и удержался, остановившись всего в нескольких шагах от обрыва.

Топор продолжал дрожать в руках. Теперь Горакхан впервые почувствовал его вес. Он ожидал, что оружие подобного размера окажется почти неподъёмным даже для него. Массивная голова, длинная рукоять, толстый металл — всё говорило о тяжести, с которой обычный воин едва ли сумел бы справиться. Но ожидание оказалось ошибочным. Топор был тяжёлым,

как и положено большому двуручному оружию, однако его вес не тянул руки вниз и не ломал стойку. Напротив, стоило Горакхану перехватить рукоять удобнее, как баланс стал почти естественным. Длинная рукоять легла в ладони так, словно оружие было создано для движений, которые его тело уже знало.

Горакхан медленно выпрямился. Он не стал размахивать Топором и тем более не пытался испытать его возле края кратера. Опыт воина подсказывал, что первое впечатление может обманывать, особенно когда речь идёт об оружии, способном самостоятельно висеть над вулканом и показывать видения при прикосновении. Поэтому он просто удерживал его обеими руками и прислушивался.

В металле что-то изменилось. Красно-оранжевые трещины, прежде похожие на отражение лавы, вспыхнули ярче. Свет прошёл от основания головы к лезвиям, на мгновение задержался на древних шипах и побежал дальше, пока вся массивная часть Топора не оказалась пронизана внутренним огнём. Горакхан почувствовал тепло в ладонях. На этот раз оно не исчезло.

Огонь появился прямо на металле. Поначалу это были тонкие языки, едва заметные среди светящихся трещин. Они скользили вдоль лезвия, собирались возле края, затем переходили на основание рукояти. Горакхан напряг руки. Пламя коснулось пальцев. Он резко вдохнул, ожидая боли, но вместо ожога почувствовал только жар — сильный, плотный, совершенно настоящий, однако не разрушающий кожу.

Огонь двинулся выше. Тонкая полоса прошла по кисти, обогнула запястье и поднялась к предплечью. Горакхан едва не отпустил оружие. Многолетний опыт говорил ему одно: огонь обжигает. Не имеет значения, кто перед ним — человек, орк или зверь; кожа одинаково плохо переносит пламя, если держать её достаточно близко. Но этот огонь вёл себя иначе. Он был горячим, и всё же жар словно проходил не по поверхности кожи, а сквозь неё, не оставляя повреждений. На короткое мгновение Горакхану показалось, что тепло достигло плеча и оттуда ушло глубже в грудь. Пламя исчезло так же неожиданно, как появилось.

Горакхан посмотрел на руку. Ни ожога. Ни дыма. Ни даже опалённой ткани. Он медленно разжал одну ладонь, не отпуская Топор второй, и несколько раз согнул пальцы. Кожа была цела. Оставалось только тепло. Оно пульсировало где-то внутри ладони в такт собственному сердцу, постепенно становясь слабее.

Горакхан вновь сжал рукоять обеими руками. Топор никак не отреагировал. На кратере ещё гуляло эхо недавнего удара. С противоположного склона продолжали осыпаться мелкие камни, исчезая в лаве, а тёмный дым медленно закручивался над жерлом. Горакхан посмотрел на оружие. Совпадение с древней плитой больше не имело значения. Топор существовал. Он висел над вулканом неизвестно сколько времени, покинул своё место после появления Горакхана, показал ему нечто, чего тот не понимал, а затем позволил огню пройти по его руке, не оставив ни единого ожога. Этого было достаточно, чтобы прежний скептицизм уступил место гораздо более неприятному ощущению.

Не вере. Не страху. Осознанию того, что перед ним действительно находится сила, о которой он ничего не знает.

Горакхан никогда не любил слова о предназначении. Слишком часто он слышал, как ими оправдывали вещи, которые люди и орки делали по собственной воле. Воины называли судьбой войну, которую сами начинали; вожди говорили о великом предназначении, отправляя других умирать за собственные решения. Горакхан слишком давно научился различать то, что случилось с человеком, и то, что человек предпочёл назвать неизбежным.

Но сейчас это знание не помогало. Он не выбирал этот вулкан заранее. Не знал, что найдёт здесь. Не звал оружие. И всё же оно оказалось в его руках.

Горакхан долго смотрел на Топор, пока свет в трещинах постепенно не стал спокойнее.

— Значит, ты настоящий, — произнёс он наконец, скорее для себя, чем в ожидании ответа.

Вулкан продолжал гудеть. Горакхан провёл взглядом вдоль лезвия, потом снова посмотрел на ладонь. Слабое тепло всё ещё оставалось внутри.

Он вспомнил разрушенное поселение. Старика под балкой. Каменную плиту в полутёмном храме. Людей, которые пришли ночью и были готовы сжечь чужие дома ради нескольких строк древней легенды. Теперь Горакхан держал то, что они искали. Эта мысль заставила его нахмуриться.

До сих пор вопрос был прост: существует ли Топор вообще? Ответ находился у него в руках. Но вместе с ним появилось множество других. Кто создал такое оружие? Почему оно находилось именно здесь? Что за существо он видел среди огня? И что означал второй силуэт, возникший в темноте всего на мгновение? Горакхан не знал даже, где искать ответы. Спросить было некого.

Он медленно опустил Топор, позволяя длинной рукояти лечь под удобным углом, и посмотрел в кратер.

Гора менялась. Недавнее буйство постепенно стихало. Поверхность лавы всё ещё двигалась, но огромные всплески становились реже, а тяжёлые удары из глубины больше не следовали один за другим. Тёмная корка вновь начала затягивать отдельные участки огненного озера, пряча под собой ослепительное сияние. Дым, ещё недавно закручивавшийся в огромную воронку, расползлся под ветром. Горакхан подошёл ближе к краю, но теперь уже не настолько, чтобы осыпь могла унести его вниз. Он всматривался в жерло. Там, далеко под ним, между движущимися пластами дыма и света, угадывались огромные стены кратера. Некоторые уходили почти отвесно вниз; другие образовывали выступы, на которых застывшая лава лежала толстыми чёрными слоями.

Ничего живого видно не было. Горакхан снова вспомнил крылья. Возможно, видение не имело никакого отношения к этому месту. Возможно, имело. Он ещё раз посмотрел на Топор и впервые за всё время позволил себе задать вопрос, который до этого намеренно избегал.

— Почему именно я?

Ответа не последовало. Только ветер прошёл над кратером, поднял пепел и заставил его тонкой завесой пересечь красное сияние внизу. Горакхан постоял ещё немного. Затем развернулся. Он не собирался оставаться на вершине дольше необходимого. Солнце уже клонилось к горизонту, а спуск по тем же склонам, которые он преодолевал несколько дней, обещал быть не легче подъёма. Найти безопасное место для первой ночёвки следовало до темноты.

Он сделал несколько шагов. Топор непривычно ощущался в руках. Не из-за веса — как раз к весу Горакхан приспособился быстро, — а из-за самого присутствия оружия. Обычный клинок или топор после нескольких минут становился просто продолжением снаряжения: металл давил на ладонь, ремень тянул плечо, рукоять занимала определённое место, и вскоре тело переставало замечать это. С этим оружием было иначе. Слабое тепло периодически возвращалось. Иногда оно проходило по ладони едва заметной волной, и тогда одна из красных трещин в металле вспыхивала чуть ярче. Не настолько, чтобы назвать это настоящим огнём, но достаточно, чтобы Горакхан каждый раз опускал взгляд.

Он остановился. Тепло исчезло. Снова шагнул. Ничего. Горакхан нахмурился, но продолжил идти.

До края вершины оставалось совсем немного, когда позади раздался звук. Орк замер. Сначала он решил, что гора вновь начинает пробуждаться. За последние дни он слышал десятки подземных ударов, глухой скрежет камня, шипение пара и рёв лавы, вырывающейся из глубины. Но этот звук отличался. Он был протяжным и низким. И в нём слышалось дыхание. Горакхан медленно повернулся.

Над кратером ничего не изменилось. Дым продолжал уходить в сторону, красное сияние отражалось на его нижних слоях, а далёкие стены жерла оставались погружены в полумрак.

Горакхан несколько мгновений вслушивался. Тишина. Он уже собирался решить, что ошибся, когда звук пришёл снова. На этот раз ближе. Низкий гул поднялся из глубины и прокатился по стенам кратера, однако в нём было то, чего Горакхан не слышал ни в одном движении камня. Жизнь. Он медленно перехватил Топор. Не потому, что собирался нападать. Просто тело сделало то, чему его учили годы сражений: неизвестный звук означал неизвестную угрозу, а неизвестную угрозу лучше встречать с оружием в руках.

Горакхан подошёл обратно к краю. Внутри кратера было темнее, чем несколько минут назад. Солнце опускалось за горы, и верхние стены уже заслоняли прямой свет. Только лава внизу продолжала освещать жерло снизу, окрашивая камень в красные и багровые оттенки. Горакхан всматривался в дым. Ничего. Затем далеко внизу вспыхнул огонь. Не лава. Горакхан понял это сразу.

Лава светила тяжёлым, почти неподвижным сиянием и вспыхивала только там, где ломалась её поверхность. Новый огонь возник выше, среди тёмных стен, и быстро переместился. Слишком быстро. Он исчез за дымом. Появился снова. Теперь значительно ближе. Горакхан сжал рукоять сильнее. Ощущение было знакомым. Тот же огонь. Те же огромные тёмные очертания, которые он видел после первого прикосновения к Топору.

Из жерла донёсся рёв. На этот раз не было ни темноты видения, ни сомнения в том, настоящий ли звук. Гора задрожала от него. По камню под ногами прошла вибрация, а со стен кратера сорвался целый дождь мелких обломков. Они застучали по уступам и один за другим полетели вниз. Горакхан не отступил. Глубоко в жерле возникло движение. Сначала из дыма показался огонь, поднявшийся длинным красно-оранжевым потоком. За ним появилась тёмная масса, настолько огромная, что на мгновение Горакхан принял её за часть стены кратера.

Затем она двинулась. Одно гигантское крыло раскрылось среди дыма. Следом второе. Воздух в жерле изменился мгновенно. Первый взмах отбросил дым к стенам. Второй поднял из кратера тучу пепла и раскалённой пыли, которая ударила вверх, словно сама гора выдохнула всё, что скрывала внутри.

Горакхан пригнулся, удерживая Топор обеими руками. Порыв достиг вершины. Он ударил с такой силой, что плащ рванулся назад, пепел хлестнул по лицу, а несколько камней возле края сорвались вниз. Горакхан выставил одну ногу назад и удержался, почти не отводя взгляда от поднимающегося существа. Теперь он видел его лучше.

Огромное тело было покрыто тёмными, почти чёрными и тёмно-красными чешуями, на которых отражался свет вулкана. Между отдельными пластинами пробегало раскалённое сияние, похожее на огонь, скрытый глубоко под каменной поверхностью. Крылья раскрывались всё шире, и их размер заставлял сам кратер казаться меньше.

Существо продолжало подниматься. Горакхан видел драконов только на старых рисунках и слышал о них в рассказах странников. В одних историях они сжигали целые города, в других веками спали под горами, а иногда рассказчик так увлекался, что к концу повествования дракон становился больше самого мира. Горакхан никогда особенно не доверял таким историям. Теперь ему стало ясно другое. Ни один из тех рассказчиков не сумел бы объяснить, каково это — стоять у края вулкана и видеть, как из жерла поднимается существо, чьи крылья одним движением заставляют воздух ударить в скалы.

Дракон поднялся выше края. Его голова появилась из дыма. В темноте лица вспыхнули два огненных глаза. Те самые. Горакхан почувствовал, как тепло в ладонях стало сильнее. Красные трещины на Топоре вспыхнули в ответ. Дракон увидел оружие. И перестал подниматься.

Несколько ударов огромных крыльев удерживали его над жерлом, поднимая вокруг вихри пепла. Между орком и существом оставалось достаточно пространства, но впервые в жизни Горакхан почувствовал, что расстояние не делает противника меньше.

Они смотрели друг на друга. Горакхан крепче сжал Топор. Дракон расправил крылья над кратером. И вулкан снова наполнился его рёвом.

ЭПИЗОД 3

ОГОНЬ ДРАКОНА

Рёв ещё долго ходил по стенам кратера, дробясь о чёрный камень и возвращаясь с разных сторон тяжёлым гулким эхом. Под ногами Горакхана дрожала вершина, с края жерла сыпалась каменная крошка, а поднятый огромными крыльями пепел заполнил воздух настолько густо, что на несколько мгновений перед глазами остались лишь багровое сияние лавы и тёмный силуэт, зависший над раскалённой бездной.

Горакхан не отступил. Он крепко держал Топор обеими руками и ждал, пока ветер начнёт разрывать пепельную завесу. Жар, который ещё недавно заставлял прикрывать лицо и экономить каждый вдох, почти перестал занимать его внимание, хотя воздух всё так же пах серой, одежда прилипла к телу после многодневного подъёма, а камень под сапогами был горяч даже через толстые подошвы. Теперь всё это стало лишь частью места, потому что над кратером находилось нечто гораздо более значительное.

Когда дым разошёлся, Горакхан впервые увидел дракона целиком. В видении, пришедшем после прикосновения к Топору, перед ним появлялись лишь отдельные образы — огромные крылья, огненные глаза, тёмное тело среди пламени, — и тогда невозможно было понять ни истинное расстояние, ни размер существа. Здесь же скрывать масштаб было некому: дракон возвышался над краем жерла настолько огромный, что сама гора словно стала теснее рядом с ним. Тёмно-красные и почти чёрные чешуи покрывали тело тяжёлыми пластинами, напоминавшими слои застывшей вулканической породы, а между ними местами проходили раскалённые линии, идущие из глубины тела. Широкая грудь медленно поднималась при каждом вдохе, по мощной шее пробегали багровые отблески лавы, а распахнутые крылья занимали столько пространства, что их края временами исчезали в дыме.

Огненные глаза дракона были направлены на Топор. Оружие отозвалось почти сразу: красно-оранжевые трещины в тёмном металле стали ярче, рукоять ощутимо нагрелась, а знакомое тепло, оставшееся в ладонях после первого прикосновения, снова начало медленно подниматься к запястьям. Горакхан почувствовал это изменение раньше, чем успел осмыслить его, и сильнее сжал пальцы, наблюдая за драконом с неприятным ощущением, что древнее оружие и существо над жерлом узнают друг друга, тогда как он сам оказался единственным, кто пока не понимает происходящего.

Дракон начал снижаться. Несколько мощных взмахов разогнали дым над площадкой и ударили по вершине горячими потоками воздуха, поднимая пепел и заставляя мелкие камни катиться к обрыву. Горакхан шире поставил ноги, удерживая равновесие, а через мгновение огромные лапы опустились на каменный выступ напротив. Гора приняла вес существа глухой дрожью; под когтями треснула чёрная порода, несколько обломков сорвались вниз и исчезли в красноватом свете глубины, после чего дракон медленно сложил крылья вдоль тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.